

полагает, что эти хотя бы минутные остановки должны быть посвящены созерцанию высокого.

Примечания:

1. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995, с. 103.
2. Московичи С. Век толп. М., 1988, с. 237.
3. Эко У. Маятник Фуко// Иностран. лит. 1995, □ 8, с. 23.
4. Мариенгоф А.Б. Циники. М., 1991, с. 49.
5. Там же. С. 79.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992, с. 349.
7. Бенрезовский М. Непременно скандал// Иностран. лит. 1985, □ 1, с. 220.
8. Там же.
9. Чапек К. Собр. Соч.: В 7 т., Т.7. С. 290.

10. Померанц Г.С. Собрание себя. Курс лекций. М., 1993, с. 126.

11. Буторин Д. Сердитый мастер слова. Интервью Владимира Набокова как часть его творчества// Независимая газета. 1999, 22 апреля.
12. Хейзинга Й. Homo ludens. С. 277.
13. Эко У. О прессе// Пять эссе на темы этики. СПб., 1998, с. 60.
14. Эко У. Маятник Фуко// Иностран. Лит. 1995, □ 7, с. 19.
15. Эко У. Пять эссе на темы этики. С. 27.
16. Померанц Г.С. Собрание себя. С. 145.

РОССИЙСКИЙ ОБРАЗ ВЛАСТИ И НОВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: К ПРОБЛЕМЕ СОВМЕСТИМОСТИ

Е.Г. Дьякова

Дьякова Елена Григорьевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Новое информационное пространство представляет собой не просто некий объективно данный социальный феномен. С момента своего возникновения оно имело свою идеологическую составляющую, которая оказала огромное влияние на восприятие его массовым сознанием и на корпоративное самосознание пользователей. Эта идеологическая составляющая глубоко укоренена в западной культуре, поскольку адепты Всемирной Сети и теоретики нового информационного пространства изображают его как «прекрасный новый мир», электронную агору, где все могут общаться со всеми, где царит подлинное равенство и где общение не «загрязнено» помехами, неизбежными в реальном мире, в отличие от виртуального. По сути, речь идет об очередном варианте базовой для западной (а точнее — англо-американской) культуры утопии идеального гражданского общества, которое может быть сформировано чисто техническими средствами. В свое время в качестве таких средств последовательно выступали книгопечатание, телеграф и радио. Все они последовательно превратились в средства массовой

коммуникации, которые, вместо того, чтобы технически обеспечивать диалог равных и вменяемых субъектов, используются для того, чтобы транслировать некую информацию от элиты к остальной части общества. Появление телематики (новых электронных средств коммуникации) как будто предвещает конец массовой коммуникации и формирование нового электронного пространства, в котором вместо доминирования нескольких субъектов массовой коммуникации будет господствовать постмодернистский плюралистический дискурс. Впрочем, уже сейчас очевидно, что телематика (в отличие, скажем, от телевидения) предполагает очень высокий ценз доступности, и не только не уравнивает членов общества между собой, но наоборот, порождает новый тип стратификации: на «информационно богатых» и «информационно бедных».

Насколько этот идеальный образ нового информационного пространства, как и его реальное воплощение, совместим с отечественными ментальными традициями? Рецидивирующий характер российской модернизации, в которой усвоение достижений западной цивилизации происходит рывками и каждый раз сопровождается кардинальным переосмыслением тех феноменов, которые переносятся на российскую почву, делает освоение нового информационного пространства еще более сложной задачей.

Ситуация усугубляется тем, что вхождение России в новое информационное пространство происходит одновременно с разложением тоталитарных форм коммуникации и переходом к качественно новому типу массовой коммуникации, непривычному для большинства населения. Как показывают наши исследования, сам факт существования множественности точек зрения в средствах массовой информации воспринимается значительной частью россиян (особенно за пределами мегаполисов) негативно, поскольку они привыкли видеть в СМИ голос власти, который не может двоиться и троиться, и должен формировать единственно возможную версию реальности. Необходимость самостоятельно разбираться в том, какая картина реальности из предлагаемых конкурирующими СМИ является более или менее объективной («правдивой»), переживается весьма болезненно и порождает поиски авторитетной

«третьей инстанции», которая указала бы, какой из версий следует верить. При таком подходе даже к привычному для западной культуры плюрализму мнений в СМИ, возникает обоснованное сомнение, что российская ментальность на данном этапе совместима с идеей «электронной агоры», где все версии реальности являются равноправными и в равной мере виртуальными.

С другой стороны, в России слой пользователей Всемирной Сети, освоивших те возможности, которые дает новое информационное пространство, пока очень узок, и включает в себя в основном жителей мегаполисов, в значительной степени вестернизированных и освоивших западный образ жизни. Иными словами, информационная революция обострила традиционную проблему российской модернизации: проблему совместимости модернизированного сектора со всем остальным социумом. Как показывает российский опыт, такого рода совместимость всегда достигалась с большим трудом и при активном вмешательстве государства.

Поэтому, как ни парадоксально это звучит, освоение нового информационного пространства в России превращается в задачу государства. Активные попытки государства вмешаться в деятельность операторов Сети, поставить ее под свой контроль показывают, что государство эту задачу сознает. Проблема состоит в том, что такой контроль планируется осуществлять архаическими методами и в явном противоречии с идеологией нового информационного пространства, как она сложилась в настоящее время. Это означает, что информационная революция пока произошла в России только технологически, но не ментально.

«РАДИО ЕСТЬ, А СЧАСТЬЯ НЕТ»: «электронное общество» как социокультурный миф

А.Д. Трахтенберг

Трахтенберг Анна Давидовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

«В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».
И. Ильф¹

Современная информационная революция породила целый спектр утопических и дистопических ожиданий и опасений: от ожиданий, связанных с формированием на основе «Интернета», «электронной агоры» и электронной прямой демократии, до апокалиптических опасений, связанных с пришествием божественного Разума Сети, который подчинит себе человечество. Образы мужественных «киберпанков», воюющих на новом электронном «фронтире» со всемогущими электронными корпорациями, успешно эксплуатируются массовой культурой и уже успели лечь в основу нескольких голливудских блокбастеров.

И утопические, и дистопические мотивы, сопровождающие развитие «Интернета», являются весьма традиционными, и в комплексе образуют один

из базовых для современной культуры мифов — миф о «Величии электричества». Этот миф сложился в середине XIX века на фоне появления электрического телеграфа. Все основные сюжеты, присутствующие в современных версиях мифа, окружали внедрение в повседневную жизнь телеграфа: начиная с тезиса о том, что телеграфные кампании полностью подчинят себе массовую прессу и, соответственно, общественное сознание².

Миф о «Величии электричества» в разных его исторических модификациях исходит из того, что, благодаря электронным средствам коммуникации, произойдет радикальное изменение ткани социальности, и, следовательно, повседневной человеческой жизни и типа личности. Когда один из теоретиков информационного общества, впадая в мистический экстаз, пророчил: «Мы все станем ангелами в вечности! Изменчивыми ангелами-гермафродитами, навеки запечатленными в компьютерной памяти!»³ и сравнивал Сеть с Градом Небесным, который, в противоположность Эдему, воплощает мудрость, а не невинность, преодоление природы и материи, а не интимный контакт с ними, символическое общение, а не асоциальную реальность, он вряд ли осознавал, насколько традиционными для европейской культуры являются подобные пророчества. Не менее традиционными являются и страхи, связанные с тем, что Сеть из чистых рук первооткрывателей попадет под контроль больших корпораций и превратится в инструмент зомбирования пользователей.

Как показывает история электронных средств коммуникации, реальные изменения в ткани социальности обычно имели гораздо меньший размах, и затрагивали повседневную жизнь людей в иной плоскости, чем предсказывали адепты мифа о «Величии электричества». Так, электрический телеграф так и не сумел стать средством неформальной межличностной коммуникации, оставшись, по преимуществу, средством коммуникации внутриинституциональной, и при этом в сильной степени формализованной. В то же время «беспроволочный телеграф» (радио),